

Кудрявцева Татьяна Юрьевна

ВТОРОЕ СКАЗУЕМОЕ, РЕПРЕЗЕНТИРОВАННОЕ ДЕЕПРИЧАСТИЕМ, В СИСТЕМЕ ПРЕДИКАТИВНЫХ СРЕДСТВ

Статья посвящена проблеме определения места второго активно-процессного сказуемого в системе предикативных средств. С опорой на номинативно-прагматическую парадигму утверждается, что соотнесенное с грамматической основой предложения деепричастие, будучи репрезентантом второго сказуемого, обуславливает его качества и свойства. Выявление дифференциальных признаков второго активно-процессного сказуемого позволяет не только существенно расширить представление о синтаксической функции деепричастия, но и сделать вывод о многоуровневой системе предикативных средств в структуре русского предложения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/25.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. I. С. 96-99. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.161.1

Филологические науки

Статья посвящена проблеме определения места второго активно-процессного сказуемого в системе предикативных средств. С опорой на номинативно-прагматическую парадигму утверждается, что соотношенное с грамматической основой предложения деепричастие, будучи репрезентантом второго сказуемого, обуславливает его качества и свойства. Выявление дифференциальных признаков второго активно-процессного сказуемого позволяет не только существенно расширить представление о синтаксической функции деепричастия, но и сделать вывод о многоуровневой системе предикативных средств в структуре русского предложения.

Ключевые слова и фразы: первое сказуемое; второе сказуемое; второе активно-процессное сказуемое; второстепенное сказуемое; базисная пропозиция; небазисная пропозиция; деепричастие.

Кудрявцева Татьяна Юрьевна*Воронежский государственный университет**tatiana-k2304@yandex.ru***ВТОРОЕ СКАЗУЕМОЕ, РЕПРЕЗЕНТИРОВАННОЕ ДЕЕПРИЧАСТИЕМ,
В СИСТЕМЕ ПРЕДИКАТИВНЫХ СРЕДСТВ©**

Вопрос о существовании второго сказуемого был поставлен в трудах французского слависта А. Мейе. Характеризуя конструкции, возникающие в результате слияния «чисто именных» и «чисто глагольных» предложений, он ввел термин «двойное сказуемое», определяющий структуры, в которых именной компонент «примыкает» либо к глаголу, либо к дополнению [5, с. 61]. Долгое время его идея оставалась неостребованной, и лишь в семидесятые годы прошлого века исследователи возвращаются к мысли А. Мейе. Получив дальнейшее осмысление и развитие, идея о существовании второго сказуемого позволила переосмыслить статус некоторых синтаксических явлений – в частности, пролить свет на синтаксическую функцию деепричастия и деепричастного оборота в целом, проблема определения которой по-прежнему актуальна и дискуссионна.

В школьных учебниках деепричастие долгое время рассматривалось либо как обособленное обстоятельство, либо как оформитель отдельного компонента сложноподчиненного предложения, возникший в результате преобразований сложных предложений. По мнению А. М. Мухина, деепричастие представляет собой синтаксему в зависимой позиции [8]. И. И. Мещанинов определяет деепричастие как особого качества «обстоятельственное слово», которое «не сливается с остальными обстоятельными словами и занимает среди них обособленное место», так как выражает не столько оттенки действия глагола, сколько само действие или состояние, сопутствующее главному действию [7, с. 317]. Тот факт, что в древнерусском языке краткие причастия, на основе которых сформировались деепричастия, подчинялись и подлежащему, и сказуемому, позволил А. А. Потебне и вслед за ним А. А. Шахматову назвать его второстепенным сказуемым [10; 13]. Сегодня многие исследователи наряду с деепричастием, которое выполняет в предложении функцию второстепенного сказуемого, выделяют деепричастие, выступающее в роли обособленного обстоятельства [3].

Однако было замечено, что деепричастие может соотноситься не только с репрезентантом сказуемого, но и с второстепенными членами предложения, выраженными неличными глагольными формами – инфинитивом, причастием и деепричастием [4; 11], и в зависимости от статуса пропозиции функционировать в качестве сказуемого – второго или второстепенного [2; 6].

В последние годы теория второго сказуемого активно развивается в Воронежской синтаксической школе на основе номинативно-прагматической парадигмы, получая более глубокое осмысление (И. П. Распопов, А. М. Ломов, Е. А. Алексеева, Е. И. Бегенева, И. В. Белявцева). Под вторым сказуемым мы понимаем компонент двойного сказуемого, реализуемый на базе первого сказуемого, ориентированный на то же подлежащее и на тот же самый бытийный компонент [5, с. 49]. В работе Е. И. Бегеновой дан обзор основных типов второго сказуемого, условий их употребления и свойств [1]. В основе ее исследования – семантико-функциональная классификация, разработанная А. М. Ломовым и представленная в его монографии «Типология русского предложения» [6]. Были выделены следующие типы первого и вслед за ним второго сказуемого: отождествительно-предметное, реляционно-предметное, измерительно-предметное, признаковое, активно-процессное и пассивно-процессное.

В соответствии с семантико-функциональным принципом осмысления синтаксических явлений деепричастие, соотношенное с грамматической основой, стало мыслиться в качестве второго активно-процессного сказуемого (исключение составляют одиночные деепричастия, утратившие глагольные признаки и перешедшие в наречия, и фразеологизированные словосочетания). Оно обозначает дополнительное действие, сопутствующее действию первого сказуемого, и относит процессный признак только к предмету-подлежащему, имеющему значение активного деятеля: *Хозяйка, вытирая полотенцем пухлые руки, материнским взглядом окинула вошедшего (В. Набоков, Порт)* [9]. Будучи глагольной формой, деепричастие вбирает в себя качества и свойства различных частей речи [12] и наделяет репрезентированное им второе сказуемое рядом специфических черт, явно выделяющих его среди других типов второго сказуемого.

Во-первых, сфера функционирования второго активно-процессного сказуемого расширяется по сравнению с другими типами второго сказуемого благодаря структурным и семантическим особенностям деепричастия, способного включаться в качестве одного из составляющих в различные структурные комплексы.

Сфера употребления «именных» вторых сказуемых сужена до процессных предложений, а состав репрезентантов базового сказуемого ограничен глаголами, обозначающими виды и формы существования (типа «жить», «родиться»), перемещения (типа «уехать», «уйти») и положения в пространстве (типа «стоять», «лежать»), глаголами «накопления» (типа «уцелеть», «накопить»). Деепричастие же свободно включается в структуру двусоставных предложений различных типов: отождествительно-предметных: *Здесь не знали завестности, любая удача одного становилась удачей всех, подтверждая общую жизнеспособность* (Ю. Нагибин, *Терпение*) [9]; реляционно-предметных: *Эраст, пылая нетерпением, взял шляпу и пролил луч радости в сердце Эдмона, который был вне себя, найдя случай отомстить за свою обиду* (Н. Брусилов, *Легковерие и хитрость*) [Там же]; признаковых: *Чем взрослее и опытнее становилась душа, проживая как годы целые дни, тем больше он убеждался, что дачный покой и восторг не были постоянными и абсолютными* (А. Варламов, *Купавна*) [Там же]; активно-процессных: *Лантев, не садясь и держа шляпу в руках, стал извиняться за беспокойство...* (А. Чехов, *Три года*) [Там же]. Традиционно употребление деепричастия в пассивно-процессных конструкциях, где подлежащее определяется с точки зрения воздействия на него процесса, источником которого назван другой предмет, нежелательно, так как выходит за рамки языковой нормы, однако возможно в случае употребления в роли вещественного компонента сказуемого страдательного причастия, в значении которого заметен сдвиг в сторону качественности [2]: *К счастью, Печорин был погружен в задумчивость, глядя на синие зубцы Кавказа...* (М. Лермонтов, *Герой нашего времени*) [9].

Второе сказуемое, представленное деепричастием, без ограничения включается в состав конструкций с имплицитно выраженным подлежащим: *Падая, выронил его, тот ещё боец!* (В. Маканин, *Кавказский пленный*) [Там же].

Возможно функционирование деепричастия в составе содержательно-односоставных предложений – фнктивных: *Мне есть что спеть, представ перед Всевышним* (М. Козаков, *Актерская книга*) [Там же]; дебитивных: *Да и как было не выгнать, следуя его же теории* (С. Довлатов, *Наши*) [Там же]; безличных: *«Внимая ужасам войны, – сказал с улыбкой Смуров, – мне не жаль ни друга, ни матери друга, а жаль мне тех, кто на войне не побывал»* (В. Набоков, *Соглядатай*) [Там же]. В художественной практике встречается употребление деепричастного оборота в неполных предложениях – с незамещенной позицией сказуемого: *Разлетались доски: одни – застревая в простенках или тычась пиками в людей, другие – ломаясь со звуком выстрелов под их же напором* (О. Павлов, *Карагандинские девятины, или Повесть последних дней*) [Там же].

Не менее значимая особенность второго сказуемого, репрезентированного деепричастием, – его относительная позиционная свобода. Деепричастие (деепричастный оборот) может располагаться в препозиции, постпозиции и интерпозиции относительно главных членов при соблюдении обязательного условия – его грамматической включенности в структуру предложения: *Заглушая шепот вдохновенных суеверий, здравый смысл говорит нам, что жизнь – только щель слабого света между двумя идеально черными вечностями* (В. Набоков, *Другие берега*) [Там же]; *Замысловатая система долго действовала, спасая, выручая, защищая...* (Д. Гранин, *Зубр*) [Там же]; *Отец, нервно посмеиваясь, достал стамеску* (С. Довлатов, *Наши*) [Там же]. При этом его синтаксическая функция остается неизменной.

Следующей отличительной чертой второго активно-процессного сказуемого является его структурная сложность. Подобно первому оно может быть простым и составным. Простое второе представлено одиночным деепричастием: *Часы, не торопясь, отламывали сухие дольки времени* (В. Набоков, *Драка*) [Там же]. В составном бытийный и вещественный компоненты получают раздельное выражение: бытийный воплощается в деепричастии и через него частично в финитном глаголе-сказуемом (известно, что деепричастие обозначает время относительно времени действия глагола-сказуемого). Деепричастие указывает на фазу действия или передает возможность, намерение, желание и т.д. – в зависимости от семантики глагола, от которого деепричастие образовано: *Гость, продолжая неловко кланяться и потирать руки, говорил притворно-смуцненным, жидковатым голосом* (Ф. Сологуб, *Звериный быт*) [Там же]; *Соломон Шапиро, желая быть изысканным, уточнил...* (С. Довлатов, *Записные книжки*) [Там же]. Вещественный компонент стандартно выражается инфинитивом. Инфинитив посредством деепричастия включается в состав второго сказуемого, в функции которого изолированно не может быть употреблен вследствие своих свойств [6, с. 189].

Деепричастие, будучи репрезентантом второго сказуемого, способно участвовать в пропозиционной организации высказывания. С одной стороны, в функции второго сказуемого деепричастие образует единый блок с первым сказуемым, вступает в координационную связь с подлежащим, входит в состав базисной пропозиции и как бы «удваивает» ее [1]. С другой стороны, будучи центром оборота, деепричастие берет на себя роль финитного глагола и благодаря этому само проецирует позицию второго или второстепенного сказуемого, которые трактуются в качестве периферийных аналогов [6, с. 189]. Аналог второго сказуемого ориентируется на бытийный компонент сказуемого, выраженного деепричастием, и опосредованно на сказуемое главного предложения и подлежащее матричной структуры: *Зинаида Михайловна, овдовев совсем девочкой, наставляла на том, что только в «счастливым браке человек полностью раскрывается»* (Ю. Герман, *Дорогой мой человек*) [9].

Второстепенные сказуемые соотносятся с косвенным субъектом – объектом деепричастного оборота, принимающим форму дательного или родительного падежа: *Заставляя тебя менять первостепенные задачи, он не оставляет тебе свободного времени* (И. Бродский, *Коллекционный экземпляр*) [Там же]. Второстепенное сказуемое – это аналог сказуемого, реализуемый в структурах, репрезентирующих небазисную

пропозицию, и соотнесенный с аналогом подлежащего – объектом действия пониженной в ранге пропозиции, стоящим в форме косвенного падежа.

То есть на базе образованной деепричастием пропозиции может быть создана еще одна пониженная в ранге пропозиция, подобно тому как она формируется на основе сказуемого матричного предложения. Возникновение подобных отношений возможно в силу того, что деепричастие сохраняет признаки глагола и обладает в предложении относительной самостоятельностью, выступая центром «многофункционального» образования (деепричастного оборота), несущего дополнительное, полупредикативное сообщение.

Обращает на себя внимание и тот факт, что второе сказуемое, репрезентированное деепричастием, обуславливает употребление придаточной части сложного предложения, создавая сложное структурно-семантическое целое: *Коля продолжал говорить, повторяясь, потому что не хотел расстаться со своими простыми, в сущности, мыслями и словами, хотел опять и опять их высказывать в разных формах (А. Славовский, Большая Книга Перемен)* [Там же]; *Автобус мотало, она морщилась, переступая, чтобы удержать равновесие (А. Волос, Недвижимость)* [Там же]. В подобных структурах зависимая часть оказывается соотнесенной с основной через пониженную в ранге пропозицию, создаваемую деепричастием, что, на наш взгляд, увеличивает степень взаимозависимости компонентов сложного предложения.

Наконец, заслуживает внимания вопрос отношения пропозиций, сформированных глаголом-сказуемым, с одной стороны, и деепричастием, с другой.

Второе сказуемое обычно вступает в отношения соприсутствия с признаком, заявленным в первом сказуемом, которое определяет модально-временной план второго, в результате чего фиксируется одновременность действий, реализуемых компонентами двойного сказуемого [1]. Однако в случае, когда второе сказуемое выражено деепричастием, отношения между базисной и небазисной пропозициями приобретают более сложный характер.

Модально-временной план базисной и образованной деепричастием пропозиций не всегда совпадает. В результате выражаемые ими действия расходятся во времени. Деепричастие может фиксировать и предшествующее, и последующее по отношению к основному событие: *Через несколько минут у дачных ворот крото остановился изящный автомобиль-каре́та, и шофе́р, ловко спрыгнув с сиденья, распахнул дверцу (А. Куприн, Гранатовый браслет)* [9]; *Хохол выбирал книги из чемодана, ставя их на полку у печки (М. Горький, Мои университеты)* [Там же]. В ряде случаев могут проявлять себя псевдоодновременные отношения [2], возникающие, когда деепричастие дополняет действие первого сказуемого, интерпретируя ситуацию или конкретизируя событие матричного предложения: *Некое элементарное существо строит себе подобное и отталкивает его от себя, давая начало новому индивиду (Д. Гранин, Зубр)* [9].

Между первым и вторым активно-процессным сказуемым могут проявляться отношения, осложненные различными обстоятельственными значениями – образа действия: *Он сидел на табурете, раскинув широко ноги под столом, сытый, здоровый, мордатый, с красным затылком (А. Чехов, На святках)* [Там же]; причины: *Опасаясь за наши покупки, мы вышли последними (А. Куприн, Начальница тяги)* [Там же]; цели: *Два дня он разъезжал по Москве, посещая старые гнезда (А. Куприн, Леночка)* [Там же]; времени: *Да, это был Есенин, что я и выяснил, обогнув банкетку (М. Цветаева, Нездеиный вечер)* [Там же] и т.д. Причем в ряде случаев можно говорить о сочетании нескольких значений – образа действия и сравнения: *Желтков в продолжение нескольких секунд ловил ртом воздух, точно задыхаясь, и вдруг покотился, как с обрыва (А. Куприн, Гранатовый браслет)* [Там же]; цели и сравнения: *Гастев смешался с ними, наклонился, будто завязывая шнурки, и подобрал валявшийся билет (А. Азольский, Облдрамтеатр)* [Там же]. Деепричастие не только называет добавочное к основному действие, но и придает ему дополнительную характеристику.

Отношения между первым и вторым активно-процессным сказуемым приобретают дополнительные оттенки значения благодаря союзу «а», употребление которого не отмечено в структурах с другими типами второго сказуемого. Этот сочинительный союз в зависимости от контекста может либо связывать однородные члены основного предложения, либо включаться в состав деепричастной конструкции: *Однако пионер не спешил её покинуть, а, задрав голову, стоял и глядел на купола и высокие своды, на внутреннюю лестницу и комнатки с полукруглыми стенами (А. Варламов, Кулавна)* [Там же]. – *После этого всласть отсыпается, а поднявшись, сделав вторую и решительную побудку крепким чаем, начинает чувствовать тревожное и приятное томление (В. Распутин, Новая профессия)* [Там же].

В первом случае очевидно, что союз «а» связывает однородные сказуемые, указывая, что названные действия находятся в противительных отношениях.

Во втором случае, когда союз «а» не отделяется от деепричастной конструкции, он детерминирует отношения между первым и вторым сказуемым. В подобной позиции у союза «а» нивелируется противительное значение, и он усиливает «отношение последовательности во времени, вытекающее уже из времени причастия (деепричастия)» [10, с. 185]. Подобные конструкции невозможны при функционировании «именных» типов второго сказуемого.

Подводя итоги, отметим: благодаря уникальной морфологической вмести́мости деепричастие, выступая репрезентантом второго активно-процессного сказуемого, определяет его качества и свойства. Во-первых, значительно расширяется сфера употребления второго сказуемого; во-вторых, благодаря введению деепричастия усложняется пропозиционная структура высказывания; в-третьих, усложняются структурные комплексы сказуемого; наконец, деепричастие привносит в отношения пропозиций дополнительные смысловые оттенки, не выявляемые у «именных» типов второго сказуемого. Проводимое с опорой на номинативно-прагматическую парадигму исследование не только позволяет составить представление о многоуровневой пропозиционной структуре русского предложения, но и дает возможность углубить понимание синтаксической

функции деепричастия. В целом же осмысление грамматических явлений в русле семантико-функционального подхода способствует расширению наших представлений о речемыслительной деятельности человека и позволяет говорить об особенностях отражения в тексте языковой картины мира.

Список литературы

1. Бегенева Е. И. Вторые и второстепенные сказуемые в составе русского предложения. Милан, 2001. 112 с.
2. Белявцева И. В. Деепричастный оборот в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1999. 143 с.
3. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М., 1978. 439 с.
4. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. М., 1961. Ч. 1/2. 776 с.
5. Ломов А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: понятийный словарь-справочник. Воронеж, 2004. 400 с.
6. Ломов А. М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994. 280 с.
7. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л., 1978. 387 с.
8. Мухин А. М. Морфологические категории и функциональный синтаксис. СПб., 2002. 172 с.
9. Национальный корпус русского языка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgora.ru/> (дата обращения: 23.02.2013).
10. Потенция А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1/2. 536 с.
11. Розенталь Д. Э. Современный русский язык. М., 2002. 448 с.
12. Чупашева О. М. Грамматика русского деепричастия: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2010. 44 с.
13. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. 620 с.

SECOND PREDICATE REPRESENTED BY ADVERBIAL PARTICIPLE IN SYSTEM OF PREDICATIVE MEANS

Kudryavtseva Tat'yana Yur'evna
Voronezh State University
tatiana-k2304@yandex.ru

The author discusses the problem of determining the place of the second active-process predicate in the system of predicative means, basing on nominative-pragmatic paradigm states that adverbial participle, correlated with the clause of a sentence and being the representative of the second predicate, conditions its qualities and properties, and tells that the identification of distinctive features of the second active-process predicate allows not only significantly enhancing the understanding of adverbial participle syntactic function, but also coming to the conclusion about the multi-level system of predicative means in the structure of the Russian sentence.

Key words and phrases: first predicate; second predicate; second active-process predicate; secondary predicate; basic proposition; nonbasic proposition; adverbial participle.

УДК 821.162.1

Филологические науки

В статье рассматривается вопрос о причинах и характере экзистенциализации художественного мышления в польской литературе послевоенного времени. Наиболее последовательно экзистенциальное мировидение оформилось в завершенную эстетическую систему в творчестве Т. Боровского и Т. Ружевица. Экзистенциальные параметры их художественного мышления обусловлены трагическим опытом войны. Позже актуализации проблем, близких «философии жизни», во многом способствовали появившиеся в Польше переводы Ж.-П. Сартра и А. Камю, а также неприятие официально насаждаемой в Польской Народной Республике эстетики социалистического реализма.

Ключевые слова и фразы: стихийный экзистенциализм; книжный экзистенциализм; онтологическая проблематика; концепция человека.

Лошакова Татьяна Витальевна, к. пед. н., доцент

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (филиал) в г. Северодвинске
tatyanaloshakova@yandex.ru

К ВОПРОСУ О РЕЦЕПЦИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА В ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1940-1960-Х ГГ. ©

Одно из характерных свойств литературы XX века – ее диалог с научной, гуманитарной мыслью эпохи. «Целые периоды художественной жизни в наше столетие, – писал по этому поводу А. Зверев, – проходят под знаком активного и заинтересованного овладения теориями или целыми философскими системами, оказывающими <...> самое непосредственное воздействие на искусство» [6, с. 32].